

Научная статья

УДК 330.837

DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-19-30

КООРДИНАЦИЯ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СТАБИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Маньковский И. А.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,

Минский филиал

220070, г. Минск, ул. Радиальная, д. 40, Республика Беларусь

Поступила в редакцию 17.01.2025

После доработки 28.01.2025

Принята к публикации 02.02.2025

Аннотация

Цель. На основании анализа категории «публичный интерес» в российской доктрине, действующей процедуры включения общественных отношений в качестве публичных интересов в институциональную среду, определить причины установленного институциональной средой приоритета публичных (государственных) интересов над частными, внести предложения, направленные на установление их разумного баланса в процессе государственного управления национальной экономикой.

Процедура и методы. Теоретическую основу проведённого исследования составили доктринальные источники, рассматривающие проблемы теоретической экономики, функционирования политической системы и правового регулирования сферы государственного управления. В ходе исследования применены общенаучные методы познания (анализ, синтез, индукция, дедукция), а также частнонаучные методы: нормативный, компаративистский.

Результаты. В процессе исследования установлено, что в настоящее время в доктрине оправданно выделяют три группы интересов: государственные, общественные и частные при том условии, что включение отдельных групп общественных отношений в перечень публичных интересов и его закрепление в институциональной среде связано с ограничением частных интересов в соответствующей сфере и, в первую очередь, в экономической. При этом действующая институциональная среда политического процесса исключает возможность прямого участия граждан в согласовании решений государства в сфере распределения ограниченных ресурсов и включения отдельных видов общественных отношений в перечень публичных интересов, что может оказывать негативное влияние на стабильность государственного управления и требует координации.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование позволило сделать некоторые выводы и внести предложения, направленные на совершенствование институциональной среды политического процесса, что должно способствовать координации публичных и частных интересов, повышению уровня доверия российского общества к государству, консолидации российского общества и созданию условий стабильного государственного управления. Результаты исследования вносят определённый вклад в развитие теории институционализма.

Ключевые слова: публичный интерес, общественный интерес, частный интерес, политическая элита, институциональная среда, российское общество, разумный баланс, консолидация общества, стабильное государственное управление

COORDINATION OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS AS A NECESSARY CONDITION FOR STABLE PUBLIC ADMINISTRATION

I. Mankovsky

*Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov, Minsk branch
ul. Radialnaya 40, Minsk 220070, Republic of Belarus*

Received by the editorial office 17.01.2025

Revised by the author 28.01.2025

Accepted for publication 02.02.2025

Abstract

Aim. Based on the analysis of the category of “public interest” in the Russian doctrine, the current procedure for including public relations as public interests in the institutional environment, determine the reasons for the priority of public (state) interests over private ones established by the institutional environment, make proposals aimed at establishing a reasonable balance between them in the process of state management of the national economy.

Methodology. The theoretical basis of the conducted study was formed by doctrinal sources considering the problems of theoretical economics, functioning of the political system and legal regulation of the sphere of public administration. In the course of the study, general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as specific scientific methods: normative, comparative.

Results. In the course of the study, it was established that at present, the doctrine justifiably distinguishes three groups of interests: state, public and private, provided that the inclusion of individual groups of social relations in the list of public interests and its consolidation in the institutional environment is associated with the limitation of private interests in the relevant sphere and, first of all, in the economic one. At the same time, the current institutional environment of the political process excludes the possibility of direct participation of citizens in the coordination of state decisions in the sphere of distribution of limited resources and the inclusion of certain types of social relations in the list of public interests, which can have a negative impact on the stability of public administration and requires coordination.

Research implications. The conducted research allowed us to draw some conclusions and make proposals aimed at improving the institutional environment of the political process, which should facilitate the coordination of public and private interests, increase the level of trust of Russian society in the state, consolidate Russian society and create conditions for stable public administration. The results of the research make a certain contribution to the development of the theory of institutionalism.

Keywords: public interest, public interest, private interest, political elite, institutional environment, Russian society, reasonable balance, consolidation of society, stable public administration

Введение

Одной из проблем функционирования современного общества и государственного управления его экономической системой в условиях геополитической нестабильности следует признать проблему справедливого распределения ресурсов и эффективности экономического развития, решение которой, в т. ч. предполагает установление разумного баланса публичных и частных интересов (их координации) посредством закрепления в институциональной среде национальной экономики.

Рассматривая проблему соотношения публичных интересов, обеспечение которых возложено на государственный блок политической подсистемы институциональной матрицы [9, с. 9–10], с частными интересами с целью установления их разумного баланса и минимизации (нивелирования) возможного конфликта государства и частных лиц, составляющих российское общество, необходимо осмысление того какие интересы можно признать публичными, каким образом и кем они определяются, как обеспечивается их реализация, тождественны ли публичные интересы интересам российского общества (общественным интересам). Это связано с тем, что публичные интересы противопоставлены частным интересам отдельных лиц, отдельных социальных групп, их реализация влечёт ограничения частной сферы и, в первую очередь, в отношениях экономических (государственная регистрация субъектов хозяйственной деятельности, процедура лицензирования, стандартизации, сертификации, декларирования и т. п.). При этом непосредственно экономические права и свободы граждан, возможности, в экономической сфере предоставленные, в первую очередь, на уровне конституции, выступают одним из важных аспектов существования современных демократий. Так, например, в соответствии со статьей 35 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изм. по сост. на 01.07.2020)¹ (далее – Конституция) право частной собственности охраняется законом, а изъятие имущества допускается только на основании решения суда. Однако статья 242 «Реквизиция» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024)¹ (далее – Часть 1 ГК) допускает изъятие имущества у его собственника помимо его воли и без решения суда, но, во-первых, с компенсацией стоимости имущества и, во-вторых, в установленных случаях, к которым отнесены: стихийные бедствия, аварии, эпидемии, эпизоотии и иные чрезвычайные обстоятельства, ликвидацию (преодоление) которых можно отнести к интересам всего общества (той его части, которая проживает на территории, пострадавшей от чрезвычайного обстоятельства). Закрепленные в статье 242 Части 1 ГК случаи по сути принудительного изъятия имущества можно рассматривать как направленные к общей пользе, т. е. как государственный (публичный) интерес. На возможность ограничения прав личности в государственных, общественных и иных публичных интересах указано в статьях 126, 129, 152.1 и 152.2, 169, 240 Части 1 ГК.

В связи со значимостью для функционирования демократического общества и государственного управления его экономической системой конституционно закреплённых социально-экономических прав и их беспрепятственной реализации, установление публичных интересов и их закрепление в институциональной среде должно быть оправдано с позиции российского общества и поддержано им, как минимум в рамках представительной демократии. При этом публичный (общественный) интерес, закреплённый в институциональной среде, должен быть га-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 12.09.2024).

рантировано направлен на обслуживание российского общества в целом, а не относящих себя к привилегированной части общества отдельных социальных групп, отдельных личностей. В таком случае «интерес... узкой социальной группы... получит... защиту как публичный, не являясь таковым» [19, с. 87], что, по нашему мнению, является недопустимым для развитых демократических режимов и ведёт к эскалации конфликта между обществом и его элитами. Однако установление публичных интересов во благо российского общества в целом в рамках закреплённой в Конституции представительной демократии возможно только в том случае, когда решения, принимаемые парламентариями, будут основаны на плюрализме мнений представителей российского народа, полностью независимых от чьей-либо воли и финансирования [8, с. 198], и при отсутствии в парламенте монополии на принятие решений, принадлежащей какой-либо одной группе (фракции).

Разумное уравнивание (координация) интересов публичных с интересами частными с целью установления общественного согласия является особенно актуальным в свете закрепления в Конституции формального (юридического) равенства всех граждан, чем юридически упразднена их дифференциация по различным критериям, включая социальный статус, уровень материальной обеспеченности, и таким образом установлена формальная «справедливость». Вместе с тем закреплённое на уровне Конституции формальное равенство граждан российского общества не предопределяет равенство фактическое и, в первую очередь, равенство доходов. Так, в Российской Федерации наблюдается перманентно увеличивающееся неравенство доходов населения. Так, «...если в 1980 г. на 20%-ю группу населения с наибольшими доходами приходилась треть совокупных доходов, то в 2019 г. этот объем вырос до 47%» [7, с. 95], что непременно ведёт к конфликту интересов наименее обеспеченной части российского общества с интересами наиболее обеспеченной его части. Поэтому «...Россия остаётся одним из лидеров по остроте восприятия неравенства доходов» [14, с. 164], чем предопределена необходимость поиска разумного соотношения закреплённых в институциональной среде интересов государства, общества и частных лиц.

Публичный интерес в институциональной среде и российской доктрине

Исходя из того, что государственное управление в развитых демократиях осуществляется посредством правового регулирования различных сфер социального взаимодействия (создания и введения в действие институциональной среды), по сути тотального правового регулирования практически всех значимых для государства общественных отношений и, в первую очередь, экономических, важным для осмысления разумности (неразумности) установленного в обществе соотношения публичных и частных интересов является понимание перечня публичных интересов, закреплённых в законодательстве. Это обусловлено тем, что непосредственно государственный блок политической системы, политическая элита России, наделен юридически обеспеченной (на уровне Конституции) возможностью определения содержания институциональной среды и навязывания российскому обществу определённых правил поведения практически во всех сферах жизнедеятельности общества. Так, например, часть 3 статьи 55 Конституции допускает ограничение прав и свобод лиц, находящихся на территории РФ федеральным законом, если это необходимо для защиты «публичных интересов», к которым отнесены: основы конституционного строя; нравственность; здоровье; права и законные интересы других лиц; оборона страны и безопасность государства. Аналогичная норма, со-

держательно соответствующая приведённой конституционной, закреплена в части 2 пункта 2 статьи 1 Части 1 ГК. При этом, во-первых, федеральные законы принимает Федеральное Собрание без какого-либо непосредственного согласования с российским обществом, в связи с чем российский Парламент имеет возможность самостоятельно определять перечень публичных интересов, ограничивающих права членов российского общества и, во-вторых, легальное (закрепленное в нормативном правовом акте) определение понятия «публичный интерес» в законодательстве РФ отсутствует, что способствует проявлению волюнтаризма в процессе законодательного признания отдельных экономических интересов публичными.

В научной литературе публичный интерес определяется как:

- «...неперсонифицированный интерес общества и государства, признанный государством и охраняемый правом, представляющий собой конституционно значимую ценность» [11, с. 207];

- «...служащий общему благу и экономическому прогрессу, законный общественный и государственный интерес, носителями которого являются общество и государство в лице публичной власти... который призван удовлетворять социально-экономические потребности общества...» [5, с. 59].

На основании ряда подходов к определению анализируемой категории, предложенных отдельными учеными, сводящихся в целом к тому, что категория «публичные интересы» обусловлена функциями государства, предназначение которого состоит в служении российскому обществу и, соответственно, в справедливом распределении ограниченных ресурсов, устанавливается государством посредством закрепления в институциональной среде, Т. В. Дерюгина и Н. В. Квициния определяют публичный интерес как «...представляющий собой особую ценность интерес общества и государства, признаваемый государством и охраняемый правом» [2, с. 83]. Признавая публичный и общественный интересы несовпадающими И. Е. Никифоров отмечает, что «...публичный интерес является сущностным проявлением государственной власти, через который выражаются наиболее важные социальные ценности и потребности» [12, с. 51].

А. Б. Зеленцов и М. В. Немытина включают категорию «государственные интересы» в категорию «публичные интересы» указывая, что «...понятия “публичное” и “государственное” на уровне российской правовой доктрины перестали быть синонимами... Публичные интересы... выросли в недрах... системы общественных отношений, где государство доминирует над обществом...» [4, с. 427]. При этом система права выступает в качестве средства урегулирования конфликтов интересов экономических агентов, возникающих в процессе их участия в экономических отношениях, разрабатывается государством и поддерживается его принудительной силой.

Указанные и многие другие исследования понятия «публичный интерес» проведены в рамках российской юридической науки, которая до настоящего времени не выработала единую концепцию, раскрывающую «...сущность публичного интереса» [16, с. 17]. Это свидетельствует о том, что понятие «публичный интерес» является категорией в большей степени правовой, и при этом будучи закрепленными в законодательстве виды общественных отношений, составляющие публичный интерес, оказывают влияние как на экономические возможности частных лиц, так и на экономическое развитие российского общества в целом.

Механизм включения публичных интересов в институциональную среду

Исходя из того, что виды общественных отношений, квалифицированные как «публичный интерес», закреплены в Конституции и иных нормативных правовых актах, а также из содержания понятия «публичный интерес», предлагаемого учеными можно сделать обоснованный вывод, что «...формулирование и представительство публичного интереса... предоставлено узкому кругу лиц, который и принимает решения в рамках установленной процедуры» [3, с. 474], закреплённой в Конституции, принятых в соответствии с ней федеральных законах, иных нормативных правовых актах, принятых в соответствии с федеральными законами. Следовательно, публичные интересы определяются уполномоченными органами государственной власти (государственным блоком политической подсистемы институциональной матрицы) посредством формулирования соответствующих правовых норм, закрепления их в системе законодательства (включения в институциональную среду), что переводит их в разряд обязательных для исполнения, поддерживаемых принудительной силой государства. При этом российское общество может оказывать влияние на содержание институциональной среды, формулируемой государством косвенно и в определённых пределах, посредством участия в выборах и референдумах (если проведение таковых объявляется государством).

В этой связи особое значение в демократических обществах приобретает процедура принятия политических решений, которая должна основываться на «всенародном» обсуждении принимаемых решений и максимальном учёте мнения большинства российских граждан, в первую очередь, в вопросе содержания Конституции, выполняющей (в идеале) роль общественного (конституционного) договора и далее, федеральных законов, принятых в соответствии с Конституцией. По отдельным вопросам установления публичных интересов, распределения ограниченных ресурсов и ограничения в этой связи частных интересов отдельных социальных групп возможно «...использование процедуры голосования, предусматривающей единогласное принятие решения» [18, с. 224].

Установленный институциональной средой баланс публичных и частных интересов должен восприниматься обществом как «...политически справедливый, так и юридически контролируемый...» [1, с. 50], а институциональная среда должна быть основой добровольного, не основанного на страхе применения мер юридической ответственности, добросовестного исполнения членами российского общества установленных правил социального взаимодействия, т. е. восприниматься обществом как справедливая.

В частности, в экономической сфере государство может влиять на развитие экономических отношений или вмешиваться в их развитие [15, с. 336], что существенно отличаться по совокупности приёмов и правовых средств государственного воздействия, применяемых к субъектам экономической деятельности. В последнем случае очевидно, что публичные, а точнее, исключительно интересы государственного блока политической системы, будут преобладать над частными и в таком случае рассматриваться российским обществом как служащие узким социальным группам, а не обществу в целом. При этом «оптимальный баланс интересов государства и общества... выступает основой эффективного государственного управления...» [10, с. 60].

Однако в настоящее время институциональная среда сформирована таким образом, что закрепляет за государственным блоком политической системы, в который нами включена Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации (далее – Государственная Дума) [9, с. 8], безусловное право самосто-

ятельного, без прямого согласования с российским обществом, формирования правил социального взаимодействия, регулирования финансовых потоков и распределения ограниченных ресурсов, что направлено на обеспечение достаточно высокого уровня экономической власти у государственного аппарата без надлежащей гласной отчётности перед обществом и ведёт к нарушению баланса частных и публичных (государственных) интересов с преобладанием последних.

Изложенное позволяет признать справедливость утверждения тех учёных, которые выделяют три группы интересов: государственные интересы, публичные интересы, которые подчинены интереса государства и устанавливаются политической элитой к собственной пользе, а также интересы российского общества. Кроме того, следует учитывать тот факт, что наряду с указанной триадой существуют интересы отдельных частных лиц (отдельных социальных групп). Совпадение всех частных интересов (интересов отдельных частных лиц и социальных групп) с общественными интересами (интересами российского общества в целом) при том условии, что под публичными интересами мы понимаем интересы общественные, свидетельствует о построении идеальной модели общества. «...Баланс интересов всегда является поиском компромисса, приемлемых уступок на основе их сочетания и взаимообусловленности, а не подчинения одного интереса другому, признанному приоритетным» [17, с. 109].

Примером установления приоритета интересов политической элиты над интересами российского общества (общественными интересами) могут служить условия бюджетного финансирования депутатов Государственной Думы, что было предметом наших исследований [8].

На фоне высоких, несопоставимых со средней заработной платой в РФ в целом, заработных плат депутатского корпуса депутаты Государственной Думы 25 января 2023 г. в третьем чтении приняли Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации” и отдельные законодательные акты субъектов Российской Федерации»¹, вступивший в силу 1 марта 2023 г. Согласно внесённым изменениям, информация об исполнении депутатами обязанности по ежегодному декларированию своих доходов публикуется в обобщённом виде, т. е. до сведения российского общества доводится факт представления депутатами деклараций о доходах за отчётный год без детализации их содержания. Таким образом, российское общество депутатами Государственной Думы, выступающими, согласно Конституции, представителями российского народа, его избранными, было ограничено в доступе к информации о доходах депутатов, по сути формальном контроле за определённой частью их деятельности, что тяготеет к установлению квазидемократии.

Приведённый пример показывает, что по сути бесконтрольная со стороны российского общества законотворческая деятельность приводит к дисбалансу интересов российского общества и его политической элиты, составляющей государственный блок политической системы, препятствует координации публичных и частных интересов. Таким образом, принятый в РФ подход к распределению ограниченных ресурсов, по сути принадлежащих российскому обществу, не позволяет рассматривать публичный интерес как «...усреднённый вектор множества

¹ Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 12-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации” и отдельные законодательные акты субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/406310207> (дата обращения: 05.10.2024).

частных интересов» [6, с. 24]. По нашему мнению, если бы такие решения в сфере распределения государственных ресурсов, как, например, размер вознаграждения депутатов, процедура декларирования доходов депутатов и членов их семей, иные условия материального обеспечения деятельности депутатского корпуса и политического процесса проходили общественное обсуждение, то российское общество в существующем виде их не поддержало бы.

Безусловно, согласование через плебисцит всех федеральных законов не представляется возможным, но отдельные вопросы распределения ограниченных ресурсов, должны согласовываться с российским обществом. По сути, в РФ необходимо установить делиберативную демократию, чем будут созданы оптимальные условия поиска путей справедливого распределения ограниченных ресурсов, координации публичных и частных интересов. Однако при этом необходимо учитывать до сих пор актуальные выводы, сделанные Р. Михельсом в книге «Социология политической партии в условиях современной демократии: исследование олигархических тенденций в совместной жизнедеятельности», опубликованной впервые в 1911 г. Согласно полученным Р. Михельсом выводам, прямое государственное управление народа не осуществимо «механически и технически» [13, с. 183].

Заключение

На основании проведённого исследования возможно сделать некоторые выводы и, в частности, утверждать, что:

- в настоящее время институциональная среда, в т. ч. в части определения перечня публичных интересов, в полном объёме формируется государством вне рамок процедуры выявления общественного мнения;
- в силу первого утверждения в категорию «публичные интересы» в настоящее время следует включать две группы противопоставленных интересов: государственные и общественные, что, по нашему мнению, не верно и требует изменения;
- под государственными интересами в таком случае следует понимать интересы узких социальных групп, в первую очередь, политической элиты России.

На основании приведённых находящихся в открытом доступе данных о доходах депутатов Государственной Думы и источниках их получения (фактах участия депутатов в коммерческих организациях (владение пакетами акций))¹ можно утверждать, что за постсоветский период развития произошла коммерциализация государства, трансформация политической власти в экономическую. Наш вывод основан на том предположении, что парламентарии, безусловно заинтересованные в преференциальном развитии коммерческих организаций, «владельцами» которых являются, будут формировать институциональную среду, направленную, в первую очередь, к реализации их частных экономических интересов, что следует из естественного желания большинства людей к обогащению и подтверждается содержанием институциональной среды, опосредующей политический процесс [8, с. 198–199]. Участие депутатов, даже опосредованное (передача акций АО в доверительное управление), в хозяйственных обществах является побуждающим мотивом для деятельности, препятствующей формированию в рамках институциональной среды, конкурентных рынков в отраслях экономики, входящих в сферу экономических интересов парламентариев. По сути возникает конфликт между политическими и экономическими интересами депутата, наличие которого является основанием для передачи депутатом акций и других ценных бумаг в довери-

¹ Катаонов В. Есть ли в России олигархи? [Электронный ресурс] // Столетие. 03.05.2025. URL: https://www.stoletie.ru/vzglyad/jest_li_v_rossii_oligarkhi_453.htm (дата обращения: 14.10.2024).

тельное управление либо их отчуждение. Однако можно утверждать, что передача депутатом Государственной Думы акций коммерческой организации в доверительное управление не является тем фактом, с которым можно связывать потерю у депутата экономического интереса к деятельности соответствующего акционерного общества и, следовательно, нивелирование возможного конфликта политических и экономических интересов.

Следовательно, в первую очередь, на институциональном уровне необходима координация частных экономических интересов политической элиты российского общества и интересов граждан, составляющих российское общество, что исключит деление публичных интересов на государственные и общественные. При этом под публичными интересами, после изменения институциональной среды, следует понимать совокупность общественных отношений, участие в которых частных лиц ограничено федеральным законом (может быть ограничено решением суда) исключительно в интересах российского общества, включая обеспечение национальной безопасности РФ.

Под «...общественными интересами следует понимать усреднённые интересы российских граждан, направленные к пользе всех членов российского общества» [9, с. 5–14]. К таковым, в частности, следует отнести процедуру распределения ограниченных ресурсов, направления развития национальной экономики, интересы обеспечения обороноспособности, территориальной целостности РФ, защиты её суверенитета, экономической безопасности и ряд других интересов, связанных с обеспечением национальной безопасности российского государства.

Публичные интересы, направленные к безусловной пользе российского общества и не связанные с распределением ограниченных ресурсов (общественные интересы) в целом, могут устанавливаться без согласования с российским обществом. Публичные интересы, связанные с распределением ограниченных ресурсов либо направленные к пользе политической и (или) экономической элиты (например, условия бюджетного финансирования политического процесса), либо к пользе отдельной узкой социальной группы, но за счёт средств (ограничений экономических интересов) всего российского общества должны включаться в законодательство по результатам проведения плебисцита. Такой подход, несомненно, усложнит процедуру принятия федеральных законов, устанавливающих порядок распределения ресурсов, включая финансовую составляющую процедуры выявления мнения российских граждан, но будет способствовать развитию у российских граждан чувства справедливости содержания институциональной среды, следовательно деятельности высших органов государственного управления, повысит доверие населения к государству, будет в определённой степени средством контроля общества за финансовой деятельностью государства. Кроме того, при таком подходе государственный блок политической системы будет ограничен в возможности самостоятельного, без согласования с российским обществом, распределения ограниченных ресурсов, принадлежащих российскому народу.

Изложенное позволяет утверждать, что для установления институционального равновесия посредством координации публичных интересов с интересами отдельных частных лиц, узких социальных групп требуются фундаментальные систематические шаги по реформированию, в первую очередь, институциональной среды политического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Девицкий Э. И. К вопросу о содержании принципа баланса публичных и частных интересов // Академический юридический журнал. 2024. Т. 25. № 1. С. 46–53. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(1).46-53
2. Дерюгина Т. В., Квициния Н. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 3. С. 79–87. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11
3. Завгородняя А. А. Справедливое соотношение частных и публичных интересов и пропорциональность // Актуальные проблемы государства и права. 2023. Т. 7. № 4. С. 471–483. DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483
4. Зеленцов А. Б., Немытина М. В. Публичные интересы и производные от них юридические конструкции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 4. С. 425–462. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-425-462
5. Исакова Н. А. Публичный интерес как основание для ограничения или прекращения права собственности // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 1. С. 55–59.
6. Кержигов А. А. Соотношение и взаимообусловленность публичных и частных интересов // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т. 16. № 2. С. 22–28.
7. Леонидова Г. В., Басова Е. А., Рассадина М. Н. Кластерный анализ доходного неравенства населения Российских регионов // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 6. С. 94–114. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6
8. Маньковский И. А. Влияние бюджетного финансирования партийной политической активности на эффективность институциональной среды и развитие национальной экономики // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 11 (481). С. 196–204. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-196-204
9. Маньковский И. А. Политическая система России как эндогенный фактор экономического развития // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2023. № 4. С. 5–14. DOI: 10.21686/2413-2829-2023-4-5-14
10. Маньковский И. А. Потенциал применения институционализма в качестве теоретической основы государственного управления // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2024. № 1. С. 59–66. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66
11. Милосердов Н. А. Публичные интересы в праве: понятие и содержание // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 10. С. 202–211. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211
12. Никифоров И. Е. Государственный суверенитет как необходимое условие для защиты общественного интереса // Закон. Право. Государство. 2023. № 1 (37). С. 49–51.
13. Никулин А. М. Олигархия и лидер – близнецы-братья // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 180–187.
14. Пугачёв А. А., Чистякова А. А. Неравенство богатства и межпоколенческая мобильность в России: возможности налогового регулирования // Народонаселение. 2023. Т. 26. № 4. С. 163–176. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14
15. Скалкин В. В., Сидорова С. А. Сравнительный анализ видов институционального взаимодействия государства и общества в экономике // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 12-2. С. 334–338.
16. Фесик П. Ю. Публичный интерес как правовая категория // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24. № 1. С. 14–22. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).14-22
17. Хорунжий И. И. Принцип баланса публичных и частных интересов в государственно-правовом регулировании экономических отношений // Modern science. 2021. № 7. С. 108–112.

18. Чепыжова О. К. К вопросу о возникновении и функциях общественных благ // Russian Economic Bulletin. 2023. Т. 6. № 4. С. 221–229.
19. Чураков А. Н. Публичный интерес: методологические основы формирования правовой категории // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2019. Т. 1. № 2 (95). С. 80–89.

REFERENCES

1. Devitsky E. I. [On the Issue of the Content of the Principle of Balance of Public and Private Interests]. In: *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], 2024, vol. 25, no. 1. pp. 46–53. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(1).46-53
2. Deryugina T. V., Kvitsinia N. V. [Application of the Category “Public Interest” in the Regulation of Private Law Relations]. In: *Pravovaia paradigma* [Legal Paradigm], 2023, vol. 22, no. 3, pp. 79–87. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2023.3.11
3. Zavgorodnaya A. A. [A Fair Ratio of Private and Public Interests and Proportionality]. In: *Aktualnye problemy gosudarstva i prava* [Actual Problems of the State and Law], 2023, vol. 7, no. 4. pp. 471–483. DOI: 10.20310/2587-9340-2023-7-4-471-483
4. Zelentsov A. B., Nemytina M. V. [Public Interests and Legal Constructions Derived from Them]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences], 2018, vol. 22, no. 4, pp. 425–462. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-4-425-462
5. Isakova N. A. [Public Interest as a Basis for Limitation or Termination of Property Rights]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 1, pp. 55–59.
6. Kerzhikov A. A. [Correlation and Interdependence of Public and Private Interests]. In: *Vestnik ekonomiki, upravleniia i prava* [Bulletin of Economics, Management and Law], 2023, vol. 16, no. 2, pp. 22–28.
7. Leonidova G. V., Basova E. A., Rassadina M. N. [Cluster Analysis of Income Inequality in the Population of Russian Regions]. In: *Problemy razvitiia territorii* [Problems of Territorial Development], 2022, vol. 26, no. 6, pp. 94–114. DOI: 10.15838/ptd.2022.6.122.6
8. Mankovsky I. A. [The Influence of Budget Financing of Party-Political Activity on the Effectiveness of the Institutional Environment and the Development of the National Economy]. In: *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2023, no. 11 (481), pp. 196–204. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-481-11-196-204
9. Mankovsky I. A. [The Political System of Russia as an Endogenous Factor of Economic Development]. In: *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova* [Bulletin of the Russian University of Economics named after G. V. Plekhanov], 2023, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.21686/2413-2829-2023-4-5-14
10. Mankovsky I. A. [The Potential of Using Institutionalism as a Theoretical Basis of Public Administration]. In: *Gosudarstvennoe i munitsipalnoe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and Municipal Administration. Scientific Notes], 2024, no. 1, pp. 59–66. DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-1-59-66
11. Miloserdov N. A. [Public Interests in Law: Concept and Content]. In: *Aktualnye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 10, pp. 202–211. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.131.10.202-211
12. Nikiforov I. E. [State Sovereignty as a Necessary Condition for the Protection of Public Interest]. In: *Zakon. Pravo. Gosudarstvo* [Law. Right. State], 2023, no. 1 (37), pp. 49–51.
13. Nikulin A. M. [Oligarchy and Leader – Twin Brothers]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology], 2023, vol. 23, no. 1, pp. 180–187.

14. Pugachev A. A., Chistyakova A. A. [Wealth Inequality and Intergenerational Mobility in Russia: Possibilities of Tax Regulation]. In: *Narodonaselenie* [Population], 2023, vol. 26, no. 4, pp. 163–176. DOI: 10.19181/population.2023.26.4.14
15. Skalkin V. V., Sidorova S. A. [Comparative Analysis of the Types of Institutional Interaction Between the State and Society in the Economy]. In: *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], 2023, no. 12-2, pp. 334–338.
16. Fesik P. Y. [Public Interest as a Legal Category]. In: *Akademicheskii iuridicheskii zhurnal* [Academic Law Journal], 2023, vol. 24, no. 1, pp. 14–22. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(1).14-22
17. Khorunzhiy I. I. [The Principle of Balance of Public and Private Interests in the State-Legal Regulation of Economic Relations]. In: *Modern Science*, 2021, no. 7, pp. 108–112.
18. Chepyzhova O. K. [On the Issue of the Origin and Functions of Public Goods]. In: *Russian Economic Bulletin*, 2023, vol. 6, no. 4, pp. 221–229.
19. Churakov A. N. [Public Interest: Methodological Foundations of the Formation of a Legal Category]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga University], 2019, vol. 1, no. 2 (95), pp. 80–89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маньковский Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель директора Минского филиала Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова;
e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Igor A. Mankovsky – Cand. Sci (Law), Assoc. Prof., Deputy Director, Minsk Branch of Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: Mankovskiy.IA@rea.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Маньковский И. А. Координация публичных и частных интересов как необходимое условие стабильного государственного управления // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2025. № 2. С. 19–30.
DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-19-30

FOR CITATION

Mankovsky I. A. Coordination of public and private interests as a necessary condition for stable public administration. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: Economics*, 2025, no. 2, pp. 19–30.
DOI: 10.18384/2949-5024-2025-2-19-30